

КОНФЛИКТНАЯ ситуация, изложенная автором письма в редакцию газеты, казалось, была самая что ни на есть банальная: главный режиссер не сработался с очередным... Но есть в этом письме строки, позволившие увидеть в ней и нечто неожиданное: «Я пришел к решению уволиться, чтобы выразить протест против отношения ко мне как к человеку и работнику, не пишу «творческому», потому что стал сомневаться, соответствует ли мое понимание общепринятому», — начал так, автор письма, Борис Андреевич Левин, заключает: «Я не знаю, какую помощь вы мне сможете оказать, да это и неважно. Помогите разобраться в делах Бийского драмтеатра и в моих. Помогите понять, имею ли я право быть режиссером...»

Итак, две просьбы в этом письме.

Что же произошло в Бийском театре? Если судить по письму, события развернулись так. В мае прошлого года после того, как Борис Андреевич поставил три спектакля, его вместе с директором театра Робертом Ефимовичем Ворошиловым пригласили в городское управление культуры и сказали, что театру нужен «крепкий очередной режиссер», а поскольку он, Левин, таковым не является, то дальнейшее его пребывание в театре нежелательно. Директор был того же мнения.

В горьком партия, куда решает обратиться Б. Левин, его внимательно выслушали и пообещали во всем разобраться. Через два дня от директора театра он узнал, что предложение руководства остается в силе и вторичное посещение горькома необязательно. «Тогда я поехал в Барнаул и был принят секретарем крайкома КПСС А. Невским и заведующим отделом культуры крайкома Г. Чернышевым, — говорится в письме Б. Левина. — Они согласились со мной, что вряд ли можно оценивать пригодность режиссера по одному сезону, и подчеркнули, что решение об уходе из театра — сугубо мое личное дело».

Левин остается. В новом сезоне его вторично переизбирают заместителем секретаря партбюро театра («...представитель горькома КПСС подчеркивает, что основное мое дело — идеология») и... не включают в состав художественного совета.

«К этому времени, — сообщает Б. Левин, — я уже почувствовал, что прибывший к нам во время гастролей новый главреж Александр Николаевич Геренбург активно согласился с мнением обо мне директора театра, еще не поработав со мной. И меня начали «есть».

О том, как это выглядело на практике — «меня начали есть», — попытаемся для объективности представить с точки зрения обеих сторон: тех, кто «ел», и того, кого «ели».

«Процесс» этот, — продолжает Б. Левин, — проявлялся и в репертуаре для меня, и в распределении ролей, и в сроках подготовки спектаклей, и в условиях, для этого предоставленных. Я старался не обращать на это внимания, стараясь оправдать все ограничения нуждами театра. Вел общественную работу. При этом я, как и в прошлом сезоне, активно «лез» с советами,

предложениями и требованиями исправления ошибок».

Теперь взглянем на события с другой стороны — с позиции директора театра Р. Ворошилова:

«Приехал Геренбург и, конечно же, стал работать в присущей ему манере, в своем характере, который у него, прямо скажем, не дай бог. К тому же он не знал еще коллектива. Это, естественно, стало кого-то раздражать, кто-то с чем-то не соглашался. Все это лихорадит, на всем этом играет Левин, борясь «за правду». Растет раскол между главрежем и коллективом, и Левин «активно вторгается»: безобразия, такого никогда не бывало!..»

Значит, так: по признанию Левина — он «активно лез с советами». По утверждению

директору сообразительности меня, как всегда, выбрали председателем и советова-ли быстрее его проверить, — рассказывает Б. Левин. — Я сказал: нет, буду выступать. Артисты резко критиковали руководство театра за плохую организацию гастролей, отношение к людям, попустительство к нарушителям дисциплины. Выступил и я. В ответ заместитель директора Ф. Андреев сказал: Левиным-де руководит злость, так как минувшим летом ему предлагали уйти из театра... Затем был разговор в кабинете директора, и, наконец, меня пригласили к начальнику городского управления культуры тов. Андропову, который выразил недовольство моим поведением и посоветовал не портить взаимоотно-

ки со скандалом было утверждено распределение ролей. И вдруг в конце сезона Геренбург заявляет: сдача спектакля — в следующем сезоне. Я иду к директору, он уверяет: ничего подобного, работайте. А через несколько дней репетиции отменяются».

Как видно, определить расстановку сил в бийском «банальном» конфликте не так уж трудно. Это, конечно, не порядок, когда человека «начинают есть», пусть даже с самыми благими намерениями, ссылаясь на заботу о судьбах дела. Но еще более недопустимо создание в коллективе атмосферы, способствующей такому «процессу». Это нечто прямо противоположное нормам нашего общества, нашей морали.

лась подготовка к гастролям. Но это опять-таки должно было предусматривать руководство. Нет у нас уважения к труду товарища, друг к другу, нет подлинной творческой атмосферы».

О какой творческой атмосфере можно говорить, если вместо помощи молодому режиссеру его просто «сжидают со света». И кто этим занимается со всей ретивостью, достойной лучшего применения? Главный режиссер, человек, проработавший в театре сорок лет, и кому бы более пристало быть добрым наставником и воспитателем молодежи. К тому же это и его прямая должностная обязанность — поправлять ошибки очередного режиссера, ибо главреж ставит свое имя на каждой афише и обязан «отвечать за все».

«Геренбург — для нас не подарок», — такую «обобщенную» фразу я слышал от секретаря партийной организации театра Ф. Андреева, директора Р. Ворошилова, начальника городского управления культуры А. Андропова. Но эта их оценка, не снимая ответственности с А. Геренбурга, подчеркивает причастность в ней и всех выше названных.

О положении дел в Бийском драматическом театре было известно в крайкоме КПСС и краевом управлении культуры. Однако никто не вмешался в затянувшийся конфликт главного и очередного режиссеров. Остается только предположить, что внешнее благополучие театра — выполнение квартального плана, поощрительное приглашение его на гастроли в Барнаул оказалось куда более весомым «аргументом», чем свидетельствования ходатаев из Бийска... В Барнауле прекрасно знают особенности «творческого» почерка А. Геренбурга и, конечно, не могли уже забыть, к чему привело его руководство краевым тюзом. Тем более очевидна непоследовательность тех, кто назначил его главрежем в Бийск.

В этой истории проще всего ограничиться принятием «персональных санкций». Сложнее сделать так, чтобы подобные истории вообще не могли иметь места. Для этого необходимо на всех уровнях постоянное беспокойство за положение дел в творческом коллективе, контроль, а когда нужно, и «указующий перст». И что прежде всего — душевное внимание к радостям и бедам, к судьбе каждого человека.

...Приехав в Бийск, я отыскал Б. Левина на товарной станции: Борис Андреевич разгружал вагоны с шифером. Не думаю, что такая наивная форма «протеста» приблизит его к высотам профессионализма, как не даст нам и возможности ответить на его вопрос: имеет ли он право быть режиссером? Ответ был бы найден (или мог быть найден), если бы на пути Левина попался с щедрой душой художника и наставника. В этом, как видите, ему не повезло. Печально, но факт. Будем точны: в той ситуации, которая сложилась в коллективе, много просто и не могло быть.

Может, в крае все-таки найдутся люди, которые вмешаются в историю, случившуюся в Бийском драмтеатре, и доведут ее до разумного решения?

Г. КОЧЕТКОВ,
наш спец. корр.

БИЙСК,
Алтайский край.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

ВАРИАНТ «БАНАЛЬНОЙ» ИСТОРИИ...

директора театра — Левин «активно вторгается». Не тут ли зарыта собака?

Да, Левин «выражает протест» и, по всей вероятности, весьма эмоционально, когда автобус во время гастрольной поездки наполняется выхлопными газами и когда оказывается, что в театре не создана первичная комсомольская организация, он вмешивается в распределение квартир, усматривая несправедливость, не может молчать, узнав, что трое актеров начинают выпивать, а исполнительница заглавной роли в спектакле А. Геренбурга «Ханума» выходит на сцену в нетрезвом виде. И как молчать, если докладная на имя главрежа «теряется», а директор не принимает каких-либо мер и после второй докладной... Левин напрямую высказывает свое мнение о «Хануме», поставленной А. Геренбургом. Называя спектакль пошлым, пытается убедить директора не показывать «Хануму» художественному совету, предупрекая неизбежное исключение спектакля из репертуара.

«Пока я в театре, меня касается все» — таков девиз, такова позиция Левина. Позиция, конечно, весьма похвальная, но, прямо скажем, требующая и беспристрастности, и умения точно разбираться во всех возникающих в коллективе ситуациях и «брожениях».

Повода для «брожений» тут не занимать. В театре растет раскол между главрежем и коллективом: «Каждая репетиция Геренбурга — это потрясение, крик, оскорбление...» В коллективе ведутся разговоры о необходимости созыва собрания и обсуждения на нем «творческого метода» главрежа. Но разговоры так и остаются разговорами — собрание не назначается.

«В конце января на очередном собрании по обсуж-

дений с руководством, дабы уйти в конце сезона достойно. Он пообещал, что будут приняты меры по устранению ошибок и, кроме того, работу театра проверит комиссия крайкома КПСС и краевого управления культуры. Была обещана такая комиссия и на партийном собрании по итогам 1974 года...»

Дальнейшее развитие событий даю в конспективном изложении. Комиссия не приезжает. Тогда в Барнаул, в крайком КПСС едут актеры И. Андросенко и В. Ротин. Снова обещана комиссия, но и на этот раз она не является. Специально назначенный к ее приезду спектакль «Ханума» отменяется из-за отсутствия зрителей. Вскоре его вообще снимают с репертуара... На все это, конечно же, остро реагирует Левин, которого «касается все».

Тем временем подходит к концу его работа над спектаклем «Земля замоскворецкая» И. Штока. На художественном совете, проведенном без директора и главрежа (!), спектакль хвалили. «Хвалил его на худсовете и начальник городского управления культуры А. Андропов. Хорошо отозвались о спектакле на зрительской конференции. У директора же иное мнение: идейно в спектакле все верно, но художественно он слаб. И на местном выносятся решение: доложить общему собранию, что «Земля замоскворецкая» выпущена в срок, но на низком художественном уровне».

Последней же каплей, по выражению Левина, явилась постановка спектакля «Без труб и барабанов» Е. Каплинской. так и оставшаяся незавершенной. «Я с удовольствием взялся за работу, но только после того, как получил заверения, что спектакль будет вышущен в этом сезоне. С трудом, прямо-та-

Не буду брать на себя смелость определять профессиональные качества Б. Левина. Думаю, что в этой, так трудно обернувшейся для него истории, немало виноват и он сам, многое можно отнести на счет неуживчивости его характера. Только никакие «изъяны» характера не дают права на неуважительное отношение к человеку, на его травлю.

Суть всего происшедшего в театре, по-моему, наиболее точно определил главный художник театра Георгий Иванович Смертин, который открылся мне как человек независимый — все его суждения были прямы, без оглядок и недомолвок: «Идем мы как-то из театра, в стороне, посреди дороги, валяется бутылка. Левин свернул к ней, поднял и отнес в сторонку. В этом мне представляется вся сущность Левина: поступок его верен, но раздражает, так как в нем демонстрация. «Работа на зрителей»... Что же касается творчества, то... спектакль ставил он, конечно, средненькие, но и сумел, к примеру, предсказать судьбу «Ханумы». Значит, вкуса не лишне. И надо бы, я думаю, поступить так: дать Левину все — пьесу, актеров, которых он «видит», все условия и доброжелательность, на какую только способен. — и пусть доказывает и себе, и коллективу, режиссер ли он... Все спектакли Геренбург готовил только для стационара, не на выезд, а, значит, его, и только его работе уделялось все внимание: в выборе актеров, в нагрузке постановочных цехов. И в этих цехах уже привычной была шуточка Геренбурга: «Да не делайте вы ничего Левину!» А за пьесу «Без труб и барабанов» ему, конечно же, братья не следовало. Не знаю, как актерская, но цеха бы не справились — близки